

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 117**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 117 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 258 с.

ISBN 978-5-458-04765-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04765-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Этика Метерлинка ¹⁾.

III. Судьба.

Люди склонны придавать очень большое значеніе въ своей жизни судьбѣ или року, при чемъ они постоянно упрекаютъ судьбу въ жестокости и несправедливости. Какъ мы увидимъ, Метерлинкъ не отрицаетъ аморальности судьбы. Но онъ считаетъ, тѣмъ не менѣе, необходимымъ сдѣлать нѣсколько ограничительныхъ оговорокъ по вопросу о значеніи внѣшняго фатума въ нашемъ существованіи. Общій смыслъ этихъ оговорокъ состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, упрекая судьбу въ несправедливости къ намъ, мы часто сами оказываемся несправедливы къ ней, представляя ей неправильный счетъ, во-вторыхъ, мы очень склонны излишне преувеличивать вообще значеніе внѣшнихъ событій нашей жизни.

Не трудно показать, что часто мы несправедливы къ самой судьбѣ. Такъ, прежде всего, мы часто ставимъ на ея счетъ такія бѣдствія, которыя оказываются дѣломъ нашихъ рукъ. Есть три наиболѣе реальные бѣдствія, которыя могутъ постигнуть человѣка и которыя обыкновенно постигаютъ его уже до рожденія; это: абсолютная бѣдность, болѣзнь, особенно въ ея одіозныхъ формахъ, и слабость интеллекта. Но изъ этихъ бѣдствій бѣдность является, несомнѣнно, результатомъ не внѣшней судьбы, а нашихъ социальныхъ порядковъ. Мы часто не знаемъ, почему такой-

1) № 116 „Вопросы философіи и психологіи“.

Вопросы философіи, кн. 117.

то именно человѣкъ рождается бѣднымъ, а другой богатымъ, но мы хорошо знаемъ, въ силу какихъ чисто человѣческихъ несправедливостей на этомъ свѣтѣ существуетъ слишкомъ много бѣдности, съ одной стороны, и слишкомъ много богатства, съ другой. Зачѣмъ удивляться, что океанъ не считается съ духовнымъ состояніемъ жертвы, которую онъ поглощаетъ, если мы сами не считаемся съ невинностью массы несчастныхъ бѣдняковъ, которые въ сущности являются нашими жертвами? Если же устранить бѣдность и грѣхи родителей, которые также вполне отвратимы, то значительно сократится доля судьбы и въ другихъ двухъ источникахъ бѣдствій, болѣзняхъ и глупости. Конечно, необъяснимая и жестокая несправедливость останется, но ея размѣры очень уменьшатся (Temple, 22—25, 277—278.)

Далѣе, производя учетъ тому, что намъ посылаетъ судьба, мы еще въ иномъ отношеніи не вполне справедливы къ ней въ веденіи этого счета. Мы очень заботливо отмѣчаемъ тѣ бѣдствія, которыя она намъ посылаетъ, не считаясь почти съ посылаемымъ счастьемъ ¹⁾. „Если произошло какое-нибудь несчастіе, то сбѣгается вся деревня, весь городъ; но если это—поцѣлуй, если лучъ красоты поразилъ нашъ взоръ, или лучъ любви освѣтилъ наше сердце, то никто не обращаетъ вниманія. И однако поцѣлуй можетъ быть такъ же важенъ для радости, какъ рана важна для горя. Мы несправедливы, никогда не примѣшивая судьбу къ счастью“ (Sagesse, 120). Разсуждая о людяхъ, о какомъ-нибудь Эдипѣ, Сократѣ, Жаннѣ д'Аркъ, мы часто изъ-за трагической смерти какъ будто не придаемъ никакого значенія цѣлой жизни. „Кажется, будто смерть все поглощаетъ; и если тридцать лѣтъ счастья кончаются случайной смертью, то тридцать лѣтъ представляются намъ затерянными въ потемкахъ горестнаго часа“. Между тѣмъ „то, что

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что въ „Trésor des humbles“, стр. 184, самъ Метерлиникъ увѣряетъ, будто бы нѣтъ радостной судьбы, „нѣтъ счастливой звѣзды; звѣзда, которую такъ называютъ, только терпѣливо ждетъ“.

насъ дѣлаеть счастливыми или несчастными, помѣщается между рожденіемъ и смертью; не въ смерти, но въ дняхъ и годахъ, которые ей предшествуютъ, находится счастье и несчастье существа и его истинная судьба“ (121—123). Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ несчастіяхъ мы всѣ болѣе одинаковы, чѣмъ въ счастіи, и чужое несчастье намъ всегда почти понятно, тогда какъ чужого счастія мы иногда и оцѣнить не можемъ. „Мы видимъ только несчастія мудреца, ибо мы всѣ знаемъ, что такое несчастье; но мы не видимъ его счастія, такъ какъ нужно быть такимъ же мудрымъ, какъ мудрецъ, и такимъ же справедливымъ, какъ справедливый, судьба котораго взвѣшивается, чтобы понять его счастье... Въ счастіи гораздо болѣе невѣдомыхъ земель, чѣмъ въ несчастіи; несчастье всегда говоритъ тѣмъ же голосомъ, а счастье дѣлаеть меньше шума по мѣрѣ того, какъ оно становится глубже“ (124—125).

Мы очень преувеличиваемъ то значеніе, которое имѣетъ въ нашей жизни независящая отъ насъ судьба.

При оцѣнкѣ событій мы слишкомъ склонны упускать изъ вида, что та сила, съ которой они на насъ дѣйствуютъ, цѣликомъ зависитъ отъ того, какъ мы сами ихъ принимаемъ. „Если бы всѣ, которые могутъ себя считать счастливыми, сказали совершенно просто о мотивахъ своего довольства, то видно было бы, что между скорбью и радостью всегда существуетъ только различіе нѣсколько болѣе улыбающагося и нѣсколько болѣе свѣтлаго приема и враждебнаго и мрачнаго подчиненія, узкаго и упрямаго истолкованія и истолкованія гармоническаго и расширеннаго. Тогда несчастные воскликнули бы: „Какъ, только это? Но мы также обладаемъ элементами такого счастія въ нашемъ сердцѣ“. Да, вы ими обладаете. За исключеніемъ великихъ физическихъ несчастій, всѣ ими обладаютъ. Но не говорите объ этомъ счастіи съ презрѣніемъ. Нѣтъ другого счастія. Самый счастливый человѣкъ тотъ, кто лучше всего знаетъ свое счастье; а тотъ, кто лучше всего знаетъ свое счастье, есть тотъ, кто глубоко понимаетъ, что счастье отдѣлено отъ скорби только высо-

кой, неутомимой, человѣчной и смѣлой идеей" (Sagesse, 6—7). „Со всѣми, кто насъ окружаетъ, происходятъ тысячи приключеній, въ которыхъ скрывается масса поводовъ къ героизму, и ничего героическаго не оказывается, когда приключеніе прошло. Но Іисусъ Христосъ встрѣчаетъ на пути толпу дѣтей, женщину-блудницу или самаритянку и человечество трижды подъ рядъ подымается на высоту Бога" (25). „Можно было бы сказать, что съ людьми случается лишь то, что они хотятъ, чтобы съ ними случилось. Мы имѣемъ, правда, только слабое влияніе на извѣстное количество внѣшнихъ событій; но мы обладаемъ всемогущимъ воздѣйствіемъ на то, чѣмъ событія становятся въ насъ самихъ, т.-е. въ духовной части, которая и есть свѣтлая и безсмертная часть всякаго событія. Есть тысячи существъ, въ которыхъ эта духовная часть, которая можетъ родиться отъ всякой любви, отъ всякаго несчастія, отъ всякой встрѣчи, не смогла жить ни одного момента, и эти люди проходятъ, какъ обломки на рѣкѣ. Есть нѣкоторые другіе, въ которыхъ эта безсмертная часть поглощаетъ все; они представляются какъ бы островами на морѣ, ибо они нашли твердую точку, съ которой они распоряжаются внутренними судьбами, а вѣдь истинная судьба и есть внутренняя судьба. Для большинства людей то, что съ ними случается, освѣщаетъ или затемняетъ ихъ жизнь; но внутренняя жизнь тѣхъ, о комъ я говорю, одна освѣщаетъ все то, что съ ними случается. Если вы любите, то не любовь составляетъ часть вашей судьбы, а сознаніе васъ самихъ, которое вы найдете въ глубинѣ этой любви, измѣнить вашу жизнь. Если васъ предали, то важно не предательство, а то прошеніе, которое оно родитъ въ вашей душѣ, и болѣе или менѣе общая, болѣе или менѣе возвышенная, болѣе или менѣе сознательная природа этого прошенія повернетъ ваше существованіе въ болѣе мирную и болѣе свѣтлую сторону судьбы, гдѣ вы себя увидите лучше, чѣмъ если бы вамъ оставались вѣрными. Но если предательство не увеличило простоты, болѣе высокой довѣрчивости, протяже-

нія любви, то васъ предали совершенно бесполезно, и вы можете сказать, что ничего не случилось“ (26—27). „Мы становимся въ точности тѣмъ, что мы открываемъ въ постигающемъ насъ счастьи и несчастіи, и самые неожиданные капризы счастья обыкновенно принимаютъ форму нашихъ мыслей. Можно сказать, что счастье и несчастіе очищаются раньше, чѣмъ постучать въ дверь мудреца, и что они опускаютъ голову, чтобы войти въ заурядную душу“ (30—31). „Горе всегда отдаетъ намъ только то, что наша душа дала ему займы въ счастливые дни“ (97). Такимъ образомъ, каждый человѣкъ въ своей жизни находитъ, въ концѣ-концовъ, самого себя. „Не будемъ забывать, что съ нами случается лишь то, что имѣетъ одинаковую съ нами природу. Всякое переживаемое приключеніе представляется нашей душѣ въ формѣ нашихъ обычныхъ мыслей и ни одинъ героическій случай никогда не представился тому, кто уже не былъ молчаливымъ и скрытымъ героемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Взойдите на гору или спуститесь въ деревню, идите на край свѣта, или прогуливайтесь вокругъ дома и вы только самого себя встрѣтите на случайныхъ путяхъ. Если сегодня вечеромъ выходитъ Іуда, то онъ пойдетъ къ Іудамъ и найдетъ случай совершить предательство, но если дверь отворить Сократъ, то онъ найдетъ на порогѣ спящаго Сократа и будетъ имѣть случай быть мудрымъ. Наши приключенія бродятъ вокругъ насъ, какъ роющіяся пчелы бродятъ вокругъ улья. Они ожидаютъ, что идея-мать выйдетъ, наконецъ, изъ нашей души, и когда она вышла, они собираются вокругъ нея. Лгите, и ложь приблизитъ къ вамъ; любите, и гроздь приключеній содрогнется отъ любви. Кажется, все будто ожидаетъ только внутренняго сигнала и, если наша душа становится болѣе мудрой къ вечеру, то и несчастіе, встрѣченное ею утромъ, также становится болѣе мудрымъ“ (28—29).

Конечно, самый характеръ человѣка въ значительной степени опредѣляется его прошлымъ. „Наша предшествующая жизнь формируетъ нашу душу. Плоды мудрости не

собираются со дня на день. Если я не жилъ, какъ Павелъ Эмилиѣ, то ни одна изъ тѣхъ мыслей, которыя его утѣшали, меня не утѣшитъ, хотя бы всѣ мудрецы въ свѣтѣ собрались, чтобы мнѣ ихъ повторять. Ангелы, которые приходятъ утирать наши слезы, въ точности принимаютъ форму и обличіе того, что мы говорили, что мы думали и, особенно, что мы дѣлали до наступленія часа скорби... Если въ моей жизни существуютъ только воспоминанія безъ великодушія и безъ свѣта, то когда наступитъ всегда наступающій моментъ превращенія этихъ воспоминаній въ слезы, слезы эти также будутъ безъ великодушія и безъ свѣта. Наши слезы не имѣютъ самостоятельнаго цвѣта, чтобы онѣ могли отражать прошлое нашей души; то, что онѣ отражаютъ, составляетъ наше наказаніе или нашу награду. Есть только одна вещь, которая никогда не превращается въ страданіе, это—то добро, которое мы сдѣлали. Когда мы теряемъ любимое существо, то насъ заставляютъ плакать слезами, которыя не облегчаютъ воспоминанія о моментахъ, когда мы его недостаточно любили. Если бы мы всегда улыбались существу, котораго больше нѣтъ, то мы не знали бы того, что насъ умалываетъ въ печали, и мы плакали бы такими слезами, въ которыхъ осталось бы немного сладости тѣхъ ласкъ и добродѣтелей, о которыхъ онѣ воспоминаютъ“ (107—8).

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы не имѣли власти надъ нашимъ характеромъ. Большимъ предразсудкомъ, по мнѣнію Метерлинка, является общепринятый взглядъ, будто прошлое не находится въ нашей власти. Напротивъ, „если хорошенько подумать, то прошлое принадлежитъ намъ такъ же реально, какъ настоящее, и болѣе подлежитъ обработкѣ, чѣмъ будущее“ (Temple, 205). Мы видимъ въ нашемъ прошломъ именно то, что мы въ него помѣщаемъ въ моментъ, когда въ него смотримъ (206). „Чтобы извлечь изъ прошлаго то, что оно содержитъ драгоцѣннаго,—а оно содержитъ почти всѣ наши богатства,—слѣдуетъ подходить къ нему въ тѣ часы, когда наша сила находится во всей

полнотѣ, входить хозяиномъ въ его область, выбирать тамъ то, что намъ подходитъ, и оставлять ему все остальное, запрещая ему переступать нашъ порогъ безъ нашего приказанія. Какъ и все, что живетъ въ общемъ только на счетъ нашей духовной силы, оно скоро приметъ привычку повиноваться. Можетъ быть, сначала оно попробуетъ сопротивляться. Оно будетъ прибѣгать къ хитростямъ, къ мольбамъ. Оно захочетъ насъ испытывать и попытается насъ разжалобить. Оно покажетъ намъ обманутыя надежды, радости, которыя не вернутся, заслуженные упреки, разбитыя привязанности, умершую любовь, угасающую ненависть, растрченную вѣру, потерянную красоту, все, что когда-то было лучшей поддержкой нашей жажды жизни, и всю ту грусть, которую теперь скрываютъ его развалины, все погибшее счастье. Но мы пройдемъ мимо этого, не поворачивая головы, отстраняя рукой тысячу воспоминаній, какъ мудрый Улиссъ въ Киммерійской ночи при помощи своего меча отгонялъ отъ черной крови, которая должна была ихъ оживить и дать на моментъ слово, всѣ тѣ тѣни мертвыхъ, даже тѣнь своей матери, которыхъ ему не было положено спрашивать; мы пойдемъ прямо къ той радости, къ тому сожалѣнію, къ тому угрызенію, совѣтъ котораго намъ необходимъ; мы будемъ ставить вполнѣ опредѣленные вопросы такой-то несправедливости, потому ли, что мы желаемъ ее исправить, если это еще осуществимо, или потому, что мы хотимъ получить при видѣ другой, которую мы совершили и жертвы которой уже не существуютъ, силу, необходимую для того, чтобы подняться выше несправедливостей, которыя мы чувствуемъ себя въ состояніи совершить сегодня“ (210—21). Вѣдь всѣ „преступленія, которыя мы совершили, на самомъ дѣлѣ выходятъ изъ нашей жизни, лишь только мы чувствуемъ, что какое-либо искушеніе, никакая сила въ свѣтѣ не заставитъ насъ совершить нѣчто подобное. Они не прощаются во внѣ, ибо мало вещей забывается и прощается во внѣшней сферѣ; они продолжаютъ производить матеріальныя послѣдствія,

ибо законы причинъ и слѣдствій чужды законамъ нашей совѣсти. Но передъ трибуналомъ нашей совѣсти, единственнымъ, который имѣетъ рѣшительное воздѣйствіе на нашу неприступную жизнь, единственнымъ, который насъ судить дѣйствительно до мозга костей и рѣшенія котораго мы не можемъ обойти, дурной поступокъ, который мы рассматриваемъ съ болѣе высокаго мѣста, чѣмъ то, гдѣ онъ былъ совершенъ, есть поступокъ, который существуетъ лишь для того, чтобы сдѣлать для насъ спускъ болѣе труднымъ и который съ этихъ поръ можетъ вставать передъ нами только въ тотъ моментъ, когда мы снова склоняемся къ пропасти, которая его хранить“ (212).

Такимъ образомъ, въ очень значительной степени каждый человѣкъ оказывается хозяиномъ своего счастья и можетъ самъ себѣ его создавать. Конечно, зависимость человѣка отъ внѣшней судьбы вполне этимъ не устраняется. Метерлинкъ признаетъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ есть люди болѣе удачливые, которымъ везетъ, и люди неудачливые, которымъ не везетъ (Temple, 251). Еще въ „Сокровищѣ смиренныхъ“ онъ обрисовалъ намъ портретъ человѣка, состояніе котораго шотландскіе крестьяне называютъ *Feu*; это такое состояніе человѣка, когда неотразимое внутреннее влеченіе, несмотря на всѣ усилія, несмотря на всѣ совѣты и помощь, неудержимо ведетъ человѣка къ неизбежной катастрофѣ. Въ такомъ состояніи Яковъ I, Яковъ Екатерины Дугласъ, отправился, несмотря на ужасныя предзнаменованія земли, ада и неба, провести рождественскіе праздники въ темномъ Пертскомъ замкѣ, гдѣ его ожидалъ предатель-убійца (189—190).

Но даже и такого рода удачливость или неудачливость человѣка, по оригинальной теоріи Метерлинка, также въ извѣстной степени зависитъ отъ самого человѣка. Для того, чтобы это понять, слѣдуетъ только разобраться въ характерѣ той реальной жизни cadaго человѣка, о которой столько говорилось въ „Сокровищѣ смиренныхъ“ и которая, какъ мы уже знаемъ, протекаетъ рядомъ съ видимой кажу-

щейся жизнью, составляя ее невидимую основу. Нужно углубиться въ „святая святыхъ“ Погребеннаго храма, куда направляются наши самыя сокровенныя мысли и силы, которыя находятся подъ ними и которыхъ мы не знаемъ, куда онѣ входятъ и откуда выходятъ безъ нашего вѣдома и гдѣ онѣ ошупью ищутъ таинственнаго пути, ведущаго къ будущимъ событіямъ“ (Temple, 293—294). Въ этомъ „Погребенномъ храмѣ“, по мнѣнію Метерлинка, скрывается знаніе будущаго и только не у всѣхъ людей въ одинаковой степени присутствуетъ способность съ нимъ сообщаться.

„Я думаю, говоритъ Метерлинка, что объясненія нашей удачливости и неудачливости слѣдуетъ искать въ нашей безсознательной жизни,—огромной, неистощимой, неизмѣримой и божественной. Въ насъ находится существо, которое и есть наше настоящее я, наше первородное я, незапамятное, безграничное, всеобщее и, вѣроятно, бессмертное. Нашъ интеллектъ, который есть лишь нѣчто фосфоресцирующее на этомъ внутреннемъ океанѣ, знаетъ его только несовершенно. Но съ каждымъ днемъ онъ узнаетъ все больше, что тамъ, безъ сомнѣнія, скрывается тайна всѣхъ человѣческихъ феноменовъ, которыхъ онъ до сихъ поръ не понималъ. Это безсознательное существо живетъ на другомъ планѣ и въ другомъ мірѣ, чѣмъ нашъ интеллектъ. Оно не знаетъ времени и пространства, этихъ двухъ грозныхъ и призрачныхъ стѣнъ, между которыхъ долженъ протекать нашъ разумъ подъ опасеніемъ потеряться. Для него нѣтъ ни близости, ни отдаленія, ни прошлаго, ни будущаго, ни сопротивленія матеріи. Оно знаетъ все и можетъ все. Впрочемъ, всегда въ разныхъ степеняхъ допускали и это знаніе и это могущество и его проявленіямъ давали имена инстинкта, безсознательнаго, подсознательнаго, рефлексивныхъ движеній, интуиціи, предчувствія и т. п. Ему именно приписываютъ эту неопредѣленную и часто чудесную силу тѣхъ изъ нашихъ нервовъ, которые не служатъ прямо къ производству нашего разума и нашей воли; эта сила и есть, повидимому, существенный флюидъ, ультра-фіолетовый

лучъ универсальной жизни. Вѣроятно, этотъ флюидъ, приблизительно, одинаковой природы у всѣхъ людей. Но онъ весьма различнымъ способомъ сообщается съ интеллектомъ. У однихъ этотъ неизвѣстный принципъ остается такъ глубоко погребеннымъ, что онъ занимается только физическими функциями и поддержаніемъ рода. У другихъ, напротивъ, онъ, повидимому, всегда бодрствуетъ и часто поднимается до такой степени, что своимъ феерическимъ присутствіемъ задѣваетъ поверхность внѣшней и сознательной жизни; по всякому поводу онъ вступаетъ, предвидитъ, предостерегаетъ, рѣшаетъ и вмѣшивается во всѣ преобладающія событія жизни. Откуда происходитъ эта способность? Этого нельзя сказать. Здѣсь нѣтъ неподвижныхъ и опредѣленныхъ законовъ. Напримѣръ, не открываютъ никакого постоянного соотношенія между активностью безсознательнаго и развитіемъ интеллекта. Эта активность повинуется правиламъ, которыя намъ неизвѣстны. Въ данный моментъ, при данномъ состояніи нашихъ знаній она представляется совершенно случайной. Ее встрѣчаютъ у одного и не встрѣчаютъ у другого, но ничто не позволяетъ намъ подозрѣвать причину этого различія“ (Temple 257—259).

Въ случаѣ какой-нибудь катастрофы или, наоборотъ, счастливаго событія происходитъ слѣдующее. Безсознательная основа человѣка, для которой не существуетъ пространства и времени, знаетъ эту катастрофу или эту счастливую случайность впередъ, такъ какъ ей все уже дано, какъ то, что для нашего сознанія лежитъ въ прошедшемъ и настоящемъ, такъ и то, что для него скрыто въ будущемъ. Если интеллектъ даннаго человѣка сообщается съ этой безсознательной сферой болѣе или менѣе хорошо, то она тѣмъ или другимъ путемъ предостережетъ его объ имѣющемъ совершиться событіи. Предостереженіе это можетъ быть дано въ разной формѣ, но человѣкъ, который его послушается, избѣжитъ катастрофы. И такихъ людей довольно много. Такъ, если кораблю, отправляющемуся въ плаваніе, гро-